

НАХОДКИ ХУННСКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ БРОНЗ В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Д. Г. Савинов

XIONGNU BRONZE ART OBJECTS FOUND IN THEIR HISTORICAL CONTEXT

D. G. Savinov

Статья посвящена рассмотрению бронзовых художественных изделий, в первую очередь ажурных поясных пластин – одного из наиболее ярких компонентов культурного комплекса хунну (II в. до н. э. – I в. н. э.). Главная задача – проследить распространение этих изделий в различных районах их нахождения в контексте исторических событий, связанных с образованием государства Хунну. По опубликованным материалам дается краткий обзор таких находок по регионам (Ордос, Монголия, Забайкалье, Тува, Горный Алтай, Минусинская котловина и др.). Выделяются их специфические особенности в каждом из этих регионов. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что обладатели «парадных» поясов с такими пластинами занимали определенное социально ориентированное положение как «проводники» хуннской культуры на местах, а сами эти изделия могут рассматриваться как маркирующие, в целом очерчивающие северные границы государства Хунну.

The paper considers some bronze art objects, basically – openwork belt plates, one of the brightest components of Xiongnu cultural complex (2nd century BC – 1st century AD). The main aim is to trace the distribution of these objects in various regions where they were found, in the context of historical events associated with formation of the Xiongnu state. According to the published materials the author gives a brief review of such findings in each region, such as Ordos, Mongolia, Transbaikalia, Tuva, Altai, Minusinsk basin, etc., as well as reveals their specific features. The analysis conducted allows the following conclusion: the owners of such “ceremonial” belts decorated with bronze plates of the considered type occupied a certain socially oriented position as “conductors” of Xiongnu culture in local societies, and these bronze art objects themselves may be considered as sort of markers, generally outlining Northern boundaries of the Xiongnu state.

Ключевые слова: хунну, художественные бронзы, поясные ажурные пластины.

Keywords: Xiongnu, bronze art objects, openwork belt plaques.

Уже очень давно, в 1975 году, при раскопках кургана тагарской культуры у оз. Утинка, В. В. Бобровым была найдена бронзовая поясная ажурная пластина, до сих пор представляющая самый западный образец изделий подобного рода в пределах государственного и культурного влияния хунну. С тех пор им сделано много крупных открытий, но именно эта давняя – 40 лет тому назад – находка и замечательный юбилей Владимира Васильевича Боброва явились поводом для написания настоящей статьи.

Хуннские художественные бронзовые изделия являются одним из самых ярких культурно-дифференцирующих признаков культуры Хунну. Нахождение их в тех или иных памятниках на разных территориях свидетельствует о присутствии хуннов или, что отмечается чаще всего, влиянии культурных традиций, связанном с эпохой завоеваний Хунну. Установлено время их бытования (II в. до н. э. – I в. н. э.), что, в свою очередь, послужило основанием для уточнения датировки ряда южносибирских археологических культур. Благодаря исследованиям А. В. Давыдовой доказано, что подобного рода ажурные бронзовые пластины служили украшениями верхнего («парадного») пояса людей, занимавших особое социальное положение; причем, судя по находкам в Забайкалье, это касается не только мужчин, но и женщин [6]. В соответствии с указаниями письменных источников о перенесении хуннских владений «на север» (120 г. до н. э.), было предложено ограничить время появления хуннских памятников в Забайкалье начиная с конца II в. до н. э. [17]. Очевидно, что это должно учиты-

ваться и при рассмотрении других областей распространения хуннских художественных бронз.

Ясно, что культурно-историческая интерпретация хуннской проблемы имеет не узко региональное, а поистине континентальное значение: по сути дела, с этого в Центральной Азии началась эпоха Великого переселения народов [3]. Эти, как и многие другие общие положения, приняты всеми исследователями и в целом не требуют подтверждения. Вместе с тем, в каждом из конкретных регионов распространение хуннских художественных бронз имело свою специфику, выявление которой возможно, главным образом, в историческом контексте, благодаря чему общая картина данного феномена становится более конкретной и логически обоснованной. В плане рассматриваемой темы кардинальное значение имеет решение двух вопросов: 1) определение места первоначального сложения хуннского культурного комплекса; 2) сведения письменных источников о возможности времени появления хуннских художественных изделий на севере Центральной Азии и в Южной Сибири.

Наиболее убедительное и аргументированное решение первого вопроса предложено А. А. Ковалевым, детальным образом рассмотревшего соответствие сведений письменных источников и ранних археологических памятников «доциньского времени с признаками влияния хунну», указывающих на место формирования их культуры – территория Внутренней Монголии, севернее провинции Шаньси и к северо-западу от провинции Хэбэй [11]. Что касается решения второго вопроса, то здесь решающее значение

имеет территория Ордоса, судя по многочисленным находкам хуннских художественных бронз бывшего основным источником распространения таких изделий в более отдаленных районах Центральной Азии и Южной Сибири.

Как следует из письменных источников, появление хуннов в Ордосе уходит еще в «скифскую» древность. Однако в конце III в. до н. э. (215 г.) китайские войска под водительством Мэнь Тяня разбили хуннов и завоевали Ордос. По словам Н. Н. Крадина, «потеря Ордоса являлась для кочевников тяжелым ударом» [14, с. 41]. Очевидно, к этому событию имеет отношение сообщение о том, что Тоумань, первое достоверное лицо хуннской истории, «оказавшись не в силах победить (царство) Цинь, переселился на север, где хунны пробыли... более десяти лет». В 205 – 204 гг. до н. э. уже после своего воцарения (209 г. до н. э.) фактический основатель хуннского государства шаньюй Маодунь отвоевал Ордос и, очевидно, уже отсюда предпринял свой знаменитый поход 201 г. до н. э., в результате которого «покорил на севере владения хуньюев, цюйше, гэгуней, динлинов и синьли» [31, с. 43]. Рассказ о походе Маодуня послужил основой для красивой и внешне убедительной гипотезы Л. Р. Кызласова о завоевании хуннами Саяно-Алтая [15, с. 79 – 80], воспринятую как уже доказанную большинством исследователей. Однако в источниках нигде не говорится о местонахождении этих народов, хотя археологический материал, в том числе и находки хуннских художественных бронз, вполне соответствуют такой реконструкции событий. Появилось и иное толкование источников, представляющее локализацию носителей данных этнонимов значительно западнее, в областях, прилегающих к Притяньшанью [35, с. 20 – 22]. Но здесь нет никаких археологических следов столь раннего появления хуннов, в том числе и находок хуннских художественных бронз.

Массовый характер оно приобретает в связи с событиями более позднего времени. В 127 г. до н. э. под давлением войск китайских полководцев Вэй Цина и Хо Цюй-бина хунны вновь теряют Ордос. В 120 – 119 гг. до н. э. центр хуннского государства переносится в Монголию, после чего к югу от пустыни (Гоби – Д. С.) «уже не было ставки их правителя». Здесь же, на севере, находится теперь и некрополь хуннских шаньюев – знаменитый могильник Ноин-Ула, датированный по находкам лаковых изделий самым началом I в. н. э. [28]. Отсюда и, очевидно, очень быстро экспансия хуннов охватывает Забайкалье, где образуется плотное население и представлено большое количество археологических памятников хунну [24, с. 255, карта 15]. Далее следовал Саяно-Алтай. В этих «заданных» исторических рамках можно представить находки художественных изделий хунну, в первую очередь, поясных ажурных пластин, по основным областям их распространения.

Ордос – огромное пастбищное плато в большой излучине Хуанхэ на севере Китая – был первой территорией, откуда находки хуннских художественных бронз стали известны прежде всего. Характеристике этих изделий, получивших по месту своего нахождения наименование ордосских бронз, посвящено много специальных работ. В основной своей массе это вещи,

найденные при случайных обстоятельствах и тем или иным образом попавшие в музейные и частные коллекции. В последней их сводке представлены все известные к настоящему времени комплексные находки, в том числе из эталонного здесь погребального памятника Маоцингоу [36, с. 95 – 101, 110 – 115]. В отечественной литературе они наиболее полно представлены в трудах С. И. Руденко, М. А. Дэвлет, Е. С. Богданова и Д. В. Кузнецова и др. По характеру изображений ордосские поясные пластины наиболее разнообразны: здесь представлены все типы изделий данного рода, как имеющие сходство (иногда доходящее до тождества) с находками на других территориях, так и вполне оригинальные. Особенностью ордосских поясных пластин является большое количество композиций с передачей образа дракона, а также общая, даже излишняя декоративность многих изображений, отражающая влияние ханьской изобразительной традиции.

С территории Ордоса хуннские художественные бронзы расходились в различных направлениях. Причем в новых местах имперских владений хунну (Монголия, Забайкалье, Саяно-Алтай) происходила их естественная «селекция»: в основном исчезают наиболее характерные и богато декорированные образцы, отражающие влияние ханьской традиции, и преобладает сравнительно небольшая выборка пластин с более динамичными изображениями, в какой-то мере соответствующими традициям «звериного стиля». Наибольшая степень близости связывает ордосские художественные бронзы с забайкальскими и среднеазиатскими. Одной из первых показала близость ордосских и минусинских бронз М. А. Дэвлет [9, рис. 1–5]. И наоборот, в экземплярах, найденных в более южных провинциях Китая, абсолютно преобладают изображения в большей степени «китаизированные», редкие для Центральной Азии. Особенно это видно по материалам расположенного поблизости от Ордоса могильника Даодуньцзы [4, рис. 1–3]. При этом, как отметил С. А. Комиссаров, «центром, вокруг которого концентрируется наибольшее количество находок, является Ордос. Однако временами они встречаются далеко за пределами этой исторической области» [12, с. 273].

Монголия. На территории Монголии, судя по имеющимся изданиям, поясные бронзовые пластины известны в достаточно большом количестве [37]. Однако все они, насколько можно судить, представляют случайные находки, лишённые конкретного исторического контекста. Некоторые из них более всего соответствуют забайкальским образцам; другие, в первую очередь, с сюжетными изображениями, не имеют аналогов в Саяно-Алтае. При этом на территории Монголии известно огромное количество погребений рядовых хуннов, образующих целые «могильные поля». Так, на одном из могильников на р. Тамир насчитывалось более 200 курганов [5, с. 503]. По данным Ц. Турбата, их здесь еще больше – 306, а в другой расположенной здесь же долине – 367 [34, с. 135] и т. д. Многие из этих погребений раскопаны и по всем признакам являются упрощенной «копией» хуннских захоронений более высокого социального уровня. Ни в одном из этих погребений бронзовых ажурных поясных пластин не обнаружено.

Обращает на себя внимание, что и в погребениях представителей высшей знати хуннского общества с их великолепными находками предметов торевтики из золота и серебра, ковров, колесниц, китайских лаковых изделий и др., хуннских художественных бронз также не найдено. Причем это касается не только «царских» или династийных курганов в Ноин-Уле [26] и в пади Царам [23] с их глубочайшими (до 20 метров!) могильными ямами и сложными входными устройствами-дромосами, копирующими усыпальницы имперской знати династии Хань, но и так называемых «княжеских» погребений типа Ильмовой пади [13], в свою очередь повторяющих основные конструктивные особенности «царских» захоронений. Очевидно, что обладание художественными бронзами, в первую очередь поясными ажурными пряжками-пластинами с различного рода изображениями, есть не просто знак социального достоинства, а, в первую очередь, прерогатива определенного слоя населения, скорее всего, имевшего непосредственное отношение к распространению политического влияния и культурных ценностей хунну.

Забайкалье. Общее количество поясных бронзовых пластин, найденных в Забайкалье, сравнительно невелико, но, поскольку большинство из них происходит из непотревоженных комплексов, значение этих находок для культурно-исторической интерпретации подобного рода изделий вообще является не только крайне важным, но и определяющим. Большинство из найденных в Забайкалье хуннских художественных бронз происходит из двух наиболее исследованных могильников – Иволгинского [8] и особенно Дырестуйского [22]. По характеру оформления и мотивам изображений забайкальские поясные пластины имеют как некоторое количество китайских (ордосских) параллелей, так и в основном уже более западных (южносибирских). Производство их, согласно исследованиям С. С. Миняева, производилось в трех металлургических центрах – Иволгинском, Чикойском и Джидинском [21, с. 61, рис. 6]. Изготовление в Джидинском центре предполагается и для некоторых южносибирских пластин; в частности, урбюнской в Туве и пяти поясных пластин (из семи имеющих) из Минусинской котловины. По заключению С. С. Миняева, анализ поясных пластин, найденных на Енисее, позволяет говорить не о «широком распространении сюннусских бронз, а о хорошо организованном в различных, весьма удаленных друг от друга областях, процессе воспроизводства, репродуцировании бронзовых изделий по сюннуским образцам и, вероятно, для самих сюнну» [20, с. 103].

Обращает на себя внимание, что все наиболее известные в настоящее время хуннские памятники Забайкалья, также как и выделенные С. С. Миняевым центры производства хуннских бронзовых изделий, находятся в одном районе. Это юго-западное Забайкалье – бассейн р. Селенги с притоками, район их наибольшей концентрации. Крайний северный памятник здесь – Иволгинский археологический комплекс; крайний южный – «царский» курган Царам (уже на границе с Монголией). Между ними располагаются Дырестуй, Ильмовая падь, Черемуховая падь, поселение Дурены и другие известные комплексы. Скорее

всего, именно эта культурно-историческая область могла быть своего рода «плацдармом» для дальнейшего распространения хуннских владений на севере после потери ими традиционных земель и торговых путей на юге. Вместе с находками китайских монет у *шу* (первый чекан 118 г. до н. э.) это является важным указанием на наиболее вероятное время широкого распространения бронзовых художественных изделий за пределами основной метрополии хунну. В этой связи справедливо замечание А. В. Давыдовой о том, что «на первых этапах значение (*Иволгинского – Д. С.*) городища было преимущественно военным, но в дальнейшем (по мере освоения территории – *Д. С.*) роль поселения далеко вышла за эти рамки» [7, с. 59].

Нахождение всех бронзовых поясных ажурных пластин из Забайкалья в погребениях с каменными выкладками (Дырестуйский могильник) или в грунтовых захоронениях (Иволгинский могильник), возможно, указывает, с какими именно видами погребальных памятников связаны такие социально ориентированные изделия.

Тува. В Туве бронзовая поясная пластина с изображением сцены борьбы тигра и ушастого грифона была найдена во впускном погребении в кургане скифского времени на могильнике Урбюн III. Пластина со следами сильной изношенности, была сломана еще в древности и помещена в специально сделанную для этого деревянную основу с плоским углублением и с отверстиями для крепления по краям [30, рис. 51]. Точно также на деревянную основу были положены две прямоугольные бронзовые пластины со сценой схватки лошадей из погребения 107 Дырестуйского могильника. Долгое время урбюнская находка оставалась единственной на территории Тувы, несмотря на явное влияние и даже присутствие здесь самих хуннов (могильник Бай-Даг II). И только в 2007–2010 гг. целая серия предметов хуннской художественной бронзы была обнаружена при исследовании разрушающегося (и, очевидно, уже разрушенного) грунтового могильника Терезин около пос. Чаа-Холь, там же, в Центральной Туве [30, с. 66 – 68]. Обилие и разнообразие найденных здесь изделий сразу ставит Туву на одно из первых мест по количеству находок подобного рода предметов, наряду с Забайкальем и Минусинской котловиной. По всем имеющимся данным, включая радиоуглеродный анализ, этот памятник датируется I в. н. э.

Горный Алтай. На территории Горного Алтая до недавнего времени находки хуннских художественных изделий вообще не были известны, хотя о присутствии здесь хуннов свидетельствовали специально сделанные печи для обжига хуннской керамики на р. Юстыд, а также фрагменты таких же сосудов, найденные в ограбленных погребениях скифского времени в Узунтале. То и другое – юго-восточный Алтай. Первые образцы хуннских художественных изделий были обнаружены при раскопках могильника Яломан II в Центральной части Горного Алтая [32, рис. 1]. По заключению авторов исследования этого памятника, крайне важного для общей реконструкции событий конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э., они относятся к тому же эталонному периоду (II в. до н. э. – I в. н. э.), по характеру изображений аналогичны забайкальским,

а по составу металла близки бронзовым предметам пазырыкской культуры [33]. На Северном Алтае (большереченская и каменская культуры), по всей видимости, не входивших в систему протектората хунну, таких изделий до сих пор не обнаружено.

Минусинская котловина. Находки хуннских художественных бронз на Среднем Енисее (Минусинская котловина), пожалуй, в количественном отношении занимают второе место после Ордоса, но при этом лучше изучены и систематизированы. Специальное исследование им посвятила М. А. Дэвлет, показавшая устойчивость выделенных ею типов поясных ажурных пластин и канонический характер представленных на них изображений: парные фигуры стоящих быков, схватка лошадей, пряжки в виде свернувшегося «дракона», решетчатые пластины и др. [10]. Однако комплексных находок подобного рода на Енисее известно немного. Большинство из них представляют собой обломки предметов, бывших в употреблении и найдены в погребениях тесинского этапа, датированных II в. до н. э. – I в. н. э.; например, Тепсей VII [27, рис. 52]. Более мелкие изделия этого же времени сохранились полностью; например, могильник Есино III. Как отметил С. С. Миняев, «имеется основание связывать производство бронз хуннских типов, найденных на Среднем Енисее, с деятельностью местных металлургических центров. В свою очередь хуннские бронзы Забайкалья, металлургически отличные от среднеенисейских, не находят себе аналогии по составу среди однотипных хуннских бронз Ордоса» [19, с. 101].

Особое значение имеют обнаруженные на северной окраине Минусинских степей клады хуннских бронзовых изделий – Июсский [2] и Косогольский [25]. В состав Косогольского клада входило около 200 предметов, из них 130 – «бляхи и пряжки, выполненные в зверином стиле» (большинство из них хуннские). Многие из хуннских вещей сломаны и, как отдельные слитки бронзы и куски бронзовой стружки, предназначены для переплавки. По мнению того же С. С. Миняева, «большинство изделий Косогольского клада изготовлено в Минусинской котловине» и «клад был предназначен, вероятно, для племен Ачинско-Мариинской лесостепи, испытывавших в то время нужду в металле» [18, с. 45]. Вполне возможно, что из этого металла была изготовлена и бронзовая пластина, найденная в соседней Кузнецкой котловине. Таким образом, как будто выстраивается своеобразная «эстафета» передачи изготовления данного вида престижных изделий – от Ордоса до Забайкалья, от Забайкалья до Енисея, от Енисея до Ачинско-Мариинской лесостепи.

Кузнецкая котловина. Единственная известная здесь находка изделий подобного рода была сделана В. В. Бобровым при раскопках кургана тагарской культуры на оз. Утинка. «В насыпи кургана 5, видимо в том месте, где был грабительский лаз, найден большой, хорошо сохранившийся кусок шерстяной ткани, на котором лежала часть кожаного ремня с прикрепленной к нему бронзовой прямоугольной ажурной пластиной» [1, с. 254]. Мотив изображения здесь – две геральдически расположенные фигуры стоящих яков – достаточно традиционный. Как и урбюнская бляха в

Туве, пластина из кургана у оз. Утинка была сломана еще в древности, скреплена ремешками в двух местах и уже затем, через специально сделанные отверстия, прикреплена к кожаному ремню. Больше пока таких находок в Кузнецкой котловине нет.

Западная Сибирь. Отдельные изделия хуннского облика или, точнее, сделанные под влиянием образов и стиля хуннской изобразительной традиции, известны в Западной Сибири [29, рис. 1–3]. Возможно, что они, будучи несколько «смещены» во времени, археологически одновременны с южносибирскими. Однако отсутствие подобных находок на территории Северного Алтая позволяет предполагать возможность и их иного, среднеазиатского источника происхождения.

Наиболее яркая серия аналогичных золотых и серебряных изделий, выполненных по образцу хуннских художественных бронз, в том числе и парные прямоугольные пластины с изображением противоборства дракона и двух тигров, происходит из могильника Сидоровка в Омском Прииртышье. Судя по найденным здесь же украшениям, керамической фляжке-баклажке и серебряным фаларам с фигурой свернувшегося тигриного грифона, об их среднеазиатском происхождении можно говорить уже более определенно. Вместе с тем, по всему остальному комплексу предметов сопроводительного инвентаря, в первую очередь, характерным формам и орнаментации керамики, а также устройству погребального сооружения, принадлежность данного памятника к местной саргатской культуре сомнения не вызывает. Богатейший комплекс находок из кургана I могильника Сидоровка свидетельствует об очень высоком социальном статусе погребенных. «Можно предполагать, – отмечают авторы, – что могильник Сидоровка входит в заключительную фазу существования саргатской культуры, а именно: II – IV вв. н. э.» [16, с. 82], то есть относится уже к самому позднему, среднеазиатскому периоду истории хунну. Знаковая, социально обусловленная сущность хуннских художественных изделий при этом остается неизменной.

Рассмотренные материалы не только подтверждают, но и во многом конкретизируют несколько существенных выводов.

1. Находки хуннских художественных бронзовых изделий в целом очерчивают государственные границы этносоциального объединения Хунну в северных пределах их владений – от Забайкалья до Минусинской котловины и от Кузнецкой котловины до юго-восточного Алтая, включая Монголию и Туву, и в этом отношении являются маркирующими.

2. С точки зрения хронологии все находки хуннских художественных бронз относятся к одному периоду (II в. до н. э. – I в. н. э.). Правда, необходимо иметь в виду, что широкое распространение этих изделий, скорее всего, могло произойти только с 20-х гг. II в. до н. э.; при этом не исключена возможность появления отдельных образцов даже раньше, с рубежа III – II вв. до н. э. Все зависит от конкретной исторической ситуации и места нахождения памятника.

3. Учитывая географические ареалы, в которых в том или ином количестве имеются находки хуннских художественных бронз, а также наиболее вероятную последовательность исторических событий, можно

представить их распространение в различных областях севера Центральной Азии и Южной Сибири в виде следующей *схемы*, где утолщенной рамкой обведе-

ны места наибольшей концентрации подобных находок – в Ордосе и в ареале северных владений хунну (рис.).

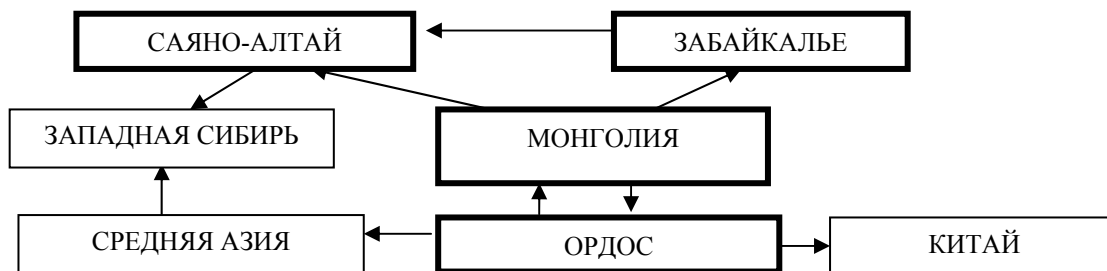

Рис. Схема мест находок хуннских художественных бронз

4. Люди, обладавшие поясами с бронзовыми ажурными пряжками, конечно, занимали какое-то особое, социально привилегированное положение. Ими могли быть как хунну, так и представители инуюльтурного населения. Однако чем именно мотивировалось такое положение (представители местной администрации? успешные воины? члены каких-то кланов или конфессиональных групп?), сказать трудно. Можно предполагать, что они выделялись по образу хуннской аристократии (и, скорее всего, под контролем самих хунну) и могли быть основными «проводниками» хуннского влияния на местах. (В этой связи можно вспомнить практику «пожалования» поясов, украшенных золотыми подвесками, представителям местной знати в более позднее древнетюркское время). Наличие таких поясов, указывающих на принадлежность к социальной иерархии хунну, должно было интегрировать общество в пре-

делах всей страны. По духу это соответствует образному выражению источника о том, что после успешных походов Маодуня «все народы, натягивающие лук, оказались объединенными в одну семью».

5. Очевидно, что такими поясными пряжками дорожили. Именно бронза оставалась «сакральным» металлом в эпоху широкого распространения железа. Однако многие из этих пряжек были сломаны еще в древности, что, возможно, означает прекращение их «знаковых» функций. Вместе с тем, некоторые пластины в случае их поломки связаны или положены на специально сделанную деревянную основу, что зафиксировано археологически (Урбюн III, Дырестуйский могильник, бронзовая пластина с оз. Утинка). Возможно, что это свидетельствует не только о внимании к сохранности подобного рода предметов, но и о наследовании права обладания такими престижными изделиями.

Литература

1. Бобров В. В. О бронзовой поясной пластине из тагарского кургана // Советская археология. 1979. № 1. С. 254 – 256.
2. Бородовский А. П., Ларичев В. Е. Предметный комплекс Июсского клада // Вестник НГУ. (Серия: История, филология). 2011. С. 196 – 208.
3. Боталов С. Г. Хунны и гуны // Археология, этнография и антропология Евразии. 2003. № 1(13). С. 106 – 127.
4. Варенов А. В., Полосьяк Н. В. Новые образцы поясных пластин гунского времени из могильника Даодуньцзы в Северном Китае // Скифо-сибирский мир (социальная структура и общественные отношения). Ч. II. Кемерово: КеМГУ, 1989. С. 111 – 115.
5. Волков В. В. Археологические исследования в МНР // Археологические открытия 1981 года. М.: Наука, 1983. С. 503.
6. Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // Советская археология. 1971. № 1. С. 93 – 105.
7. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 1: Иволгинское городище. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 92 с.
8. Давыдова А. В. Иволгинский археологический комплекс. Т. 2: Иволгинский могильник. СПб.: Петербургское востоковедение, 1996. 176 с.
9. Дэвлет М. А. О происхождении минусинских ажурных пластин // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М.: Наука, 1976. С. 219 – 227.
10. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. // Свод археологических источников. Вып. Д. 4–7. М.: Наука, 1980. 67 с.
11. Ковалев А. А. Происхождение хунну согласно данным истории и археологии // Европа – Азия: проблемы этнокультурных контактов. СПб.: Петроскандика, 2002. С. 150 – 194.
12. Комиссаров С. А. Ордосские бронзы в бассейне Янцзы // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. техн. ун-та, 2005. С. 273 – 276.
13. Коновалов П. Б. Усыпальница хуннского князя в Суджи (Ильмовая падь, Забайкалье). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского НЦ СО РАН, 2008. 98 с.
14. Крадин Н. Н. Империя Хунну. М.: Логос, 2001. 312 с.

15. Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX в.). М.: Изд-во МГУ, 1979. 208 с.
16. Матющенко В. И. Татаурова Л. В. Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. Новосибирск: Наука, 1997. 198 с.
17. Миняев С. С. К хронологии сюннских памятников Забайкалья // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Л.: ЛОИА АН СССР, 1975. С. 47 – 48.
18. Миняев С. С. Результаты спектрального анализа Косогольского клада // Этнокультурная история населения Западной Сибири. Томск: ТГУ, 1978. С. 26 – 45.
19. Миняев С. С. Производство и распространение поясных пластин с зооморфным изображениями (по данным спектрального анализа) // В кн.: М. А. Дэвлет. Сибирские поясные ажурные пластины II в. до н. э. – I в. н. э. Свод археологических источников. Вып. Д. 4–7. М.: Наука, 1980. С. 29 – 34.
20. Миняев С. С. Хуннские бронзы на Среднем Енисее // Древние культуры Евразийских степей. Л.: Наука, 1983. С. 101 – 103.
21. Миняев С. С. Производство бронзовых изделий сюнну // Древние горняки и металлурги Сибири. Барнаул: Изд-во АГУ, 1983. С. 47 – 84.
22. Миняев С. С. Дырестуйский могильник. СПб.: Европейский дом, 1998.
23. Миняев С. С., Сахаровская Л. М. Элитный комплекс захоронения в пади Царам // Российская археология. 2007. № 1. С. 159 – 166.
24. Могильников В. А. Хунны Забайкалья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время («Археология СССР»). М.: Наука, 1992. С. 254 – 273.
25. Нацкеин Н. В. Косогольский клад // Археологические открытия 1966 года. М.: Наука, 1967. С. 163 – 165.
26. Полосьмак Н. В., Богданов Е. С., Цэвээндорж Д. Двадцатый Ноин-Улинский курган. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2011. 184 с.
27. Пшеницына М. Н. Тесинский этап // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. Новосибирск: Наука, 1979. С. 70 – 89.
28. Руденко С. И. Культура хуннов и Ноин-Улинские курганы. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 206 с.
29. Савинов Д. Г. Культурные контакты в Западносибирской части сферы влияния Хунну // Археологические изыскания в Западной Сибири: прошлое, настоящее, будущее. К юбилею Т. Н. Троицкой. Новосибирск: Изд-во НГПИ, 2010. С. 163 – 173.
30. Семенов Вл. А., Килуновская М. Е. Художественное литье эпохи ранних кочевников Тувы // Тува – в беге времен. Каталог выставки. М., 2014. С. 62 – 68.
31. Таскин В. С. Материалы по истории сюнну (по китайским источникам). Вып. 1. М.: Изд-во восточной литературы, 1968. 177 с.
32. Тишкин А. А. Предметы торевтики хуннусского времени из памятника Яломан-II (Центральный Алтай) // Торевтика в древних и средневековых культурах Евразии. Барнаул: Азбука, 2010. С. 40 – 45.
33. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Предметный комплекс в памятнике Яломан II на Алтае как отражение влияния материальной культуры Хунну // Социогенез в Северной Азии. Ч. 1. Иркутск: Изд-во Иркутск. гос. техн. ун-та, 2005. С. 327 – 333.
34. Турбат Ц. Могилы рядовых хунну. Улан-Батор, 2004 (на монг. языке).
35. Худяков Ю. С. Археология Южной Сибири в хунно-сяньбийскую эпоху. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2006. 130 с.
36. Kost C. The Practice of Imagery in the Northern Chinese Steppe (5th – 1st centuries BCE) // Bonn Contributions to Asian Archaeology. Volume 6. Bonn, 2014.
37. The sword of Heaven. Culture of bronze artefacts of the Bronze Age and Hunnu Empire. Ulaanbaatar, 2011.

Список сокращений

АГУ – Алтайский государственный университет.

ИАЭ СО РАН – Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН.

КемГУ – Кемеровский государственный университет.

МГУ – Московский государственный университет.

НГУ – Новосибирский государственный университет.

НГПИ – Новосибирский государственный педагогический институт.

ТГУ – Томский государственный университет.

Информация об авторе:

Савинов Дмитрий Глебович – доктор исторических наук, профессор Института истории кафедры археологии Санкт-Петербургского государственного университета, lazarevskaya_n@mail.ru.

Dmitry G. Savinov – Doctor of History, Professor at the Department of Archaeology, Institute for History, Saint-Petersburg State University.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.